От суеты – до сути

Прекраснодушная мечта – остановить мгновение, запечатлеть особое состояние духа, когда человек как бы поднимается над собой, прозревает среди повседневной рутины глубинную суть явлений и вещей, становится вровень с самим Творцом. Многим творческим людям удаётся это – в музыке, живописи, скульптуре, театре, кино. И особенно, нам кажется, это счастье посещает поэтов.

Публикуем очередную подборку стихотворений казахстанских поэтов из книг, выпущенных в разные годы, в которых лейтмотивом звучит тема непреходящих ценностей бытия – Любви, Веры, Надежды.

Владимир ГУНДАРЕВ

У ПАМЯТНИКА САКЕНУ СЕЙФУЛЛИНУ

Раскрыта книга мраморно-весомо.
А взгляд за горизонты устремлен.
Что видит председатель Совнаркома
В багрянце расцветающих знамен?
О чем поэт мечтает дерзновенно,
Какие чувства наполняют грудь?
А может быть, Сейфуллину Сакену
Воочью виден весь «Тернистый путь»,
Как ветром революции железным
Охвачена вокруг степная ширь?
Не звуки ли «Казахской Марсельезы»
Рождаются в огне его души?
А может, гордо вознесенный
в просинь,
Грядущего прекрасный облик зрим?
Не образ ли высокий «Альбатроса»
В миг вдохновенный сердце озарил?
И отчеканив строки «Советстана»,
Страны великой искренний певец,
Он пламенную веру неустанно
Несет сквозь время
до людских сердец.
Бессмертными твореньями своими
Он в благодарной памяти живет.
И в Книге Жизни
есть Сакена имя, –
Его вписал признательный народ.

Татьяна АЗОВСКАЯ

ТАРБАГАТАЙ

Корреспондентские дороги!
Прощай, надежда на уют!
Родители опять в тревоге –
мою профессию клянут.

А я ору с шофером песни
про дикий, про угрюмый край.
Ревниво из-за скал отвесных
следит за мной Тарбагатай.

Он прячется за поворотом,
скрывает горизонта нить.
Лишь беркут в медленном полете
крылами зацепил зенит.

Но, уставая от погони
азарта, юности, любви,
Тарбагатай свои ладони
вдруг распахнул перед людьми.

И – резкий взмах калёной стали,
ударом обнажив простор,
речушку малую оставил
в морщинах обожжённых гор.

Она отчаянно глядела,
примериваясь к вышине,
но прыснула и полетела
навстречу гибели и мне.

Разбилась, чтоб родиться снова,
стать зеленью карагачей,
глотком в пути, спасти от зноя
кочевья долгого ночлег.

С камнями спорила, бранилась,
оставив пену на песке.
И молчаливой становилась,
и умещалась на руке

гортанной и суровой дали –
без имени – с одной судьбой...
Ее никак не называли.
Для всех она была – водой!

ВОТ УЖЕ И ТЫ СЕДОЙ…

Вот уже и ты седой,
первый мальчик мой неверный.
Значит, время лицемерно
перед памятью людской.

А ведь думала, что ждешь
там же – на степном перроне,
так же – завернувшись в дождь,
что года тебя – не тронут.

А ведь думала, – застыл
в том же столбняке прощанья...
– Календарные листы
в заговоре с расстояньем.

Значит, вот уже и я
постарела.
– Боже правый!..
Наша первая заря
занялась над Кокчетавом.

А потом ее костры
не давали мне забыться.
Но, казалось, только ты
был со мной, – меняя лица.

И кому бы ни клялась,
чьи бы ночи ни качала,
нерастраченную страсть
я тебе предназначала.

Годы складывались – в жизнь,
ручейки поили – реку.
Вот и встретилась – с чужим,
незнакомым человеком.

Вот и вышло – не тебя,
а любовь свою любила.

Все мои желанья – спят.
Все мои упреки – смыло.

Вот и стали мы добрей,
опоздав на эту встречу.
Перед юностью своей
нам и поручиться нечем.

Только почему-то жаль
мальчика – на том перроне.
Как он грел мои ладони
и приехать обещал!

Инна ПОТАХИНА

*** * ***

Горячие и черные снега,
как будто наизнанку здесь земля.
Пиратский бриг, светило у руля –
Караганда – разбойничий фрегат
несет меня к спокойным берегам.

Прощай, моя беда! Пойму потом,
где ты была весельем, где похмельем,
но под твою диктовку целый том
стихов написан в сумерках болезни.

Прощай, мой свет! Руки не протяни –
распроданы все гимны и молитвы,
а вместе с ними – месяцы и дни,
где мы искали смысла нашей битвы.

Свободно так – узнать, что больше нет
твоей монеты в скудном обращенье,
что впереди дарует мне прощенье
совсем другой, совсем не белый свет...

ДВЕ МАДОННЫ

Там живут две мадонны
с расплывчатым ликом.
Два моих отраженья –
старинно опущены пальцы.
Как легко тебе с ними,
ведь боль не исполнится криком.
Две коротких любви,
нарисованные по памяти.

Там живут две мадонны –
в этом нехитром мире.
Художник спешил:
не сумел им глаза оставить.
Посмотреть,
как ты бродишь
по пыльной своей квартире,
посмотреть,
как в разлуке
становишься злей и старше.

Там живут две мадонны,
прозрачные шеи вытянув.
Им досталось сполна
повторять чужое молчание.
Две коротких любви,
два печальных моих открытия.

Ну, не надо так сразу...
лицом к стене...

До свидания!

Нора ОМАРОВА

ФОТОГРАФИЯ БАБУШКИ

Работа – хлеб... Какие перегрузки
Претерпевал во времени твой стиль!
Учила аулчан читать по-русски,
Штудировала книги на фарси.

Но иногда смотря на эти лица,
На фото – желтых, выцветших слегка,
Я не могу от чувства отрешиться,
Что я давно живу. Уже века.

Ирина ТИТОВСКАЯ

ВОЙДУ В ОСЕННИЙ САД...

Войду в осенний сад,
пестреющий, как платье....
Опять в душе разлад,
распад в любом понятье.
Мы грызли мудрость книг,
но мудрыми не стали –
мы вынесли из них
тревоги и печали,
доверчивость к строке
и недоверье к будням.
На чуждом языке
мы обращались к людям.
Так чья же в том вина,
что нас не понимали?
Премудрость в нас видна,
мы мудрыми не стали.
Пусть выплеснет нас жизнь
за борт надежных правил,
даст нам в раю пожить
и жить в аду заставит,
пошлет ко всем штормам
нас в океан горбатый.
Пусть будет плохо нам.
Мы сами виноваты.
...Когда осядет муть,
нас люди не осудят
за путаный тот путь –
от суеты до сути.

Евгений ТИТАЕВ

МНЕ НАДОЕЛО ПОДАВАТЬ НАДЕЖДЫ

Мне надоело подавать надежды.
Когда их бесконечно подаешь,
Цена таким надеждам – медный грош.

Настанет день, и вдруг зависнешь
между –
Ни небо, ни земля, так, маета.
А высота, хоть тресни, не взята.

Уж лучше честно развести мосты,
И, в пламени высоком переплавясь.
Жить, просто жить, зато с собой
«на ты».
Но к прошлому вдруг испытаешь
зависть,
Когда услышишь шепоток невежды:
«А, это тот, кто подавал надежды».

Вероника РЫБАКОВА

АМБРОЗИУС ГОЛЬБЕЙН

Были глаза спокойны и строги,
брови – чисты, несмяты, высоки.
Это осталось, врезалось в строки –
контуры рыбки сонного ока.

Средь италийских ласковых сопок
музыку мира в душу впустил он,
и засветился, и с пятисотых
в черных зрачках застыло светило.

А за плечами – мга Возрожденья.
О, как безлюдна темная зелень
гулкой Вселенной! Век отчужденья
неба и тверди, кем ты заселен!

...А далеко-далеко-далеконько
зорька светла –
раскинула крыла!
Звон! И превыше знобящих
колоколен
звезды,
на синих
моих
куполах!